

© 2002 г.

А.В. ДМИТРИЕВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

ДМИТРИЕВ Анатолий Васильевич - член-корреспондент РАН.

Предварительное замечание

Когда мы провозглашаем объективность в качестве основного кредо социолога, порой происходит некоторый досадный сдвиг. Научные выводы из наших конкретных исследований именно в силу серьезности формулировок заметно теряют контакт с эстетическими качествами объекта. В то же время искренность и непосредственность, я бы сказал, - поэтичность, как исследователя, так и наблюдаемой совокупности остаются на втором плане. И было бы странно, если бы среди социологов не появлялись изредка люди, способные чрезвычайно тонко и одновременно противоречиво и поэтично запечатлеть нашу повседневность.

Давно замечено, что оппозиция "объективность-субъективность" состоит зачастую в раскрытии веселых черт жизни. Юмор при этом выражает чувство некой противоположности.

Сопровождающий его смех, разумеется, уступает серьезности, однако ставит под сомнение господство последней. В то же время этот смех неистребим, он появляется везде и повсюду, а "топор серьезности слишком груб и неповоротлив, чтобы успеть везде" (А. Ахизер).

Вообще-то смех обнаруживает две свои особенности. Первая проявляется в качестве веселости, вторая - в амбивалентности: веселость отступает перед желанием высмеять не только окружающих, но и себя. Именно вторая особенность не исключает серьезности, но дополняет и завершает ее. Сам "носитель" серьезности и несерьезности обычно противоречив, но именно это сочетание и составляет его жизнь.

Социология и многие ее представители не могут быть серьезными с начала до конца, поскольку эта наука, несмотря на всю ее уязвимость, все же отличается от пропаганды. Каждый социолог знает это и, внутренне готовый к парадоксальности, не всегда бывает серьезным "вовне". Разумеется, людям более свойственны серьезность и драматизм, чем юмор, являющийся тенью комического. В конкретных ситуациях человек ищет их значения и затем соизмеряет с ними и свои слова, мысли, действия. При трагических событиях последствием может быть плач, при комических - смех. Такая реакция естественна, она является ответом на нечто неожиданное, непознанное, ответом, выводящим их за порог некоторого замешательства.

Сказанное можно подтвердить популярным одесским рассказом. В одной еврейской семье умер ее глава. Родственники, желая сэкономить на почтовых расходах, послали в Израиль короткую телеграмму: "Изя все". Через несколько часов они получили соболезнование: "Ой".

Юмор освобождает социолога, как, впрочем, любого специалиста, от штампов, всего монотонного, актуализируя смеховую культуру народа, таящуюся в каждом человеке. Юмор как отражение, тень комического, всегда содержит и критическое начало, позволяющее поиграть с предрассудками окружающих. Один из моих коллег американец Луис Муниз считает, что юмор, науку и искусство вообще нельзя разьединить. В противном случае невозможно понять место человека в обществе. Юмор есть во всем, что мы делаем, и даже в тех делах, которые мы не делаем.

Из сказанного вовсе не следует, что, проникнувшись идеей парадоксального, противоречивого мышления, мы заведомо определяем себя свободными "играющими" людьми, да еще одновременно и классными специалистами.

Российскую социологию губит и бедность, и засилье грошовых работ (угодливость заказчику), и то, что в науку пошел середняк. Если ранее в роли ее могильщика выступала идеология, то ныне это с меньшим успехом делает экономическая неустроенность. Можно ли шутить и наслаждаться весельем в подобной ситуации? Наверное, - ответите вы. Но такой ответ требует некоторой аргументации, названий тех или иных источников и, разумеется, фамилий. Это сделать, конечно же, можно, хотя, кажется, сейчас не до юмора - серьезность размышлений о судьбах русской интеллигенции явно преобладает (В. Лоханкин).

Именно поэтому довольно неожиданным для всех нас стало явление одного из самых пронизательных российских социологов Вилена Николаевича Иванова в качестве автора двух сходных по духу, а иногда и по тексту, работ. После прочтения этих небольших книг честно признаюсь: из авторов - политических сатириков мне оказались близкими не только Дон Аминадо (А.П. Шполянский, 1888-1957), но и современный Вилен Иванов. Первый из них, к сожалению, стал известен широкому кругу российских читателей лишь после выхода в свет довольно большого тома "Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания" в 1994 г. (издательство "Терра"), включившего в себя избранные произведения этого замечательного сатирика и лирического поэта России и русского зарубежья.

О втором же из них, человеке более известном в качестве серьезного исследователя и талантливого организатора социологического сообщества, до выхода в свет упомянутых выше сборников¹, сложилось довольно стойкое впечатление как о выдержанном и остроумном человеке, превосходном рассказчике и резонере. Это впечатление теперь дополнено новыми и несколько неожиданными качествами, о которых и пойдут дальнейшие мои размышления.

Дон Аминадо и В. Иванов: заочный диалог

Замечу, что для современного читателя Дон Аминадо и В. Иванов выступают, прежде всего, как авторы совершенно разных эпох. Но приглядимся поближе, и станет видно, что многое их

¹ *Иванов В.Н.* Эпиграммы, поздравления, басни. Стихи о разном. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. 169 с;
Иванов В.Н. Друзьям. Политикам. Коллегам. Эпиграммы. Басни, Зарисовки (издание 2, дополненное). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 140 с.

явно сближает. Одними и теми же являются объекты сатиры (имена их носителей не в счет), сходны поэтический стиль и художественный метод. Они амбивалентны: оба изначально исключают однозначно-обличительный подход к явлениям современности. В собственных же глазах они часто выглядят людьми колеблющимися, иногда просто слабыми.

Дон Аминадо:

Живем. Скрипим. И медленно седеем.
Плетемся переулками Passy
И скоро совершенно обалдеем
От способов спасения Руси.
("Застигнутые ночью")

В. Иванов:

Я, конечно, не мессия
И спасти вас не сумею.
Но в душе моей Россия.
Я служу ей как умею.
(Без названия)

Но окажемся поближе к содержанию самих произведений, так переполненных юмором. Оно, как выясняется, явилось подходящим средством в борьбе с нашими стрессами, разочарованиями, подстерегающими любого человека. Они не миновали и упомянутых выше авторов. Любовные удачи и неудачи ими стойчески переносятся, при этом нет огорчений и злости. Их юмор формирует чувство дистанции от проблемы, возможность смотреть на нее с разных позиций. При неудаче:

Дон Аминадо:

Жорж, прощай! Ушла к Володе!...
Ключ и паспорт на комодке.
("Труды и дни")

В. Иванов:

Я признаюсь себе в самообмане,
Я верил: ею я люблюм.
Сидел с ней целый вечер в ресторане,
А под конец она ушла с другим.
("Облом")

Сакральными традициями многих поэтов являются традиции и ритуалы винопития. Не избежали этих слабостей и Дон Аминадо и Вилен Иванов. Гости, как известно, предполагают некоторое мастерство, которое достигается практикой, т.е. длительными упражнениями. Последние бывают довольно утомительными:

Мне говорят врачи: пора уgomониться;
Не пить, и не курить, и не любить.
Тогда де сердце ровно будет биться,
И можно до ста лет дожить.
Конечно, сто для жизни многовато.
На двадцать можно и подсократить,
И делать все, как делал я когда-то, —
Быть может, брошу пить, но не любить.
("Пора ли?")

Обычно при винопитии ритуал здравицы четко соблюдается. Пить можно только хмельное и за нечто возвышенное. Питие же за здоровье кого-либо на Руси появилось лишь где-то в начале XIX в., что было знаком секуляризации русской культуры, усвоения социальными верхами западного образа жизни (М. Мурьянов). В своем Новомоднем тосте (31.12.2001 г.) В. Иванов изложил уже целую программу (он ее почему-то назвал "минимальной"), в конце которой он пожелал:

На мировой арене снова
Пусть будут оба Иванова².
Им поактивней быть не грех
И к нам тогда придет успех.

В духе времени автор говорит и о политиках, но как бы отстраняясь от них:

И хорошо б из телерая
Изгнать Сванидзе Николая,
Он чересчур в интригах преуспел
И всем изрядно надоел³.
("Новогодний тост")

У Дон Аминадо тост несколько мягче, но менее конкретен.
Дон Аминадо:

Пей за мировую бесконечность,
За мгновение, и за Вечность,
За красоту, и за момент,
И за третий элемент.
Пей за свободу слова,
За народ, давший Толстого,
За чувство мировой тоски
И за эти самые огоньки.
Пей за нашу профессуру,
За приват и за доцентуру,
Пей за адвокатуру.
Пей за литературу,
Даже за температуру,
Но главное же, пей.
("Тост")

В. Иванов:

Вновь приходит юбилей
И мысль о том, что дело к вечеру
И с этим, право, делать нечего,
И потому, мой старый друг, налей.
Налей, и пусть плохое все забудется.
Забудутся мои, да и твои грехи...
А нынче пусть веселье ширится,
И пусть теснее круг друзей,
И дай нам Бог опять увидеться,
И вновь придти на новый юбилей.
И потому, мой старый друг, налей!
("Слово к другу")

Уже отмечалось, что примерно одинаков объект сатиры у этих двух авторов: политики
высокого ранга. Многие из них были позерами, явно страдающими нарциссизмом:
Дон Аминадо о Троцком:

Стоять на черных площадях,
Чеканить медленную прозу
И принимать, вкушая страх,
Наполеоновскую позу...
Швырять в провал грядущих лет
Казну награбленных наследий...
- Таков заманчивый сюжет...
Для исторических трагедий!
("Ряд волшебных изменений")

² Я бы добавил: "три".

³ Это, на мой взгляд, уже перебор. Должен же быть на телевизионном экране хотя бы один закавказец.
Хотя, конечно, с возрастом этот комментатор РТР становится все менее и менее похожим на грузина.

В. Иванов о Е. Гайдаре:

Что бы там ни говорила Дума,
Как ни возмущалась бы порой,
Он ограбил весь народ без шума
И весьма доволен сам собой.
(О Е. Гайдаре - 1992)

Оба автора подмечают явно неудачные высказывания деятелей, довольно точно характеризующие их интеллект. Вопреки тому, что никто по природе не умнее и не глупее других, просто одни волей случая знают одно лучше, другие - хуже, политики зачастую некритично относятся к своим высказываниям и предосудительно - к чужим (В.В. Крамник). Многие идиотские фразы политиков, разумеется, остаются неизвестными широкой публике. Но кое-что все же попадает на страницы газет и на экраны телевизоров.

Дон Аминадо:

"Рецидив антисердечного уклона, несмотря на ликвидацию оппозиции...". Из еще одной речи Микояна⁴.

О, Муза, воспой Микояна,
Дитя закавказской природы,
Дитя, из которого вырос
Брюнет мирового масштаба!
О, Муза, воспой же России
Эпоху шашлычно-баранью,
И небо, что стало в овчинку,
И край, превращенный в мерлушку,
Где в страшном безмолвии ночи,
В безмолвии снежной равнины
Один Микоян веселится,
Брюнет мирового масштаба!...
("В ложноклассическом духе")

В. Иванов:

"Хотели как лучше, а получилось как всегда".
"Есть еще время сохранить лицо. Потом
придется сохранять другие части тела..."
(Из выступлений В.С. Черномырдина).
Управляли как умели,
Ошибались иногда.
Мы как лучше все хотели.
Получилось как всегда⁵.

Мы лицо, конечно, сохраним.
Но другие члены под вопросом.
Хорошо бы не остаться с носом
И не вылететь в трубу самим.

Подведу некоторый итог. Прямой зависимости работ В. Иванова от Дон Аминадо, конечно же, нет. Есть частичное сходство в стихометрии, в выборе объектов сатиры (политики), в чувствах признательности друзьям и любви к Женщине. Как оценить их работы и что же остается читателю? Завидовать, конечно!

Преимственность в данном случае — это переплетение идей самых разных эпох, их отталкивание и сближение, взаимодействие.

⁴ Советский политик, прославившийся необыкновенной гибкостью: "от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича".

⁵ Известный хозяйственник и политик. Лингвист. Некоторое время назад выдвигался на присуждение Нобелевской премии, однако, ввиду отсутствия номинации "ораторское искусство", к сожалению, получил отказ.

Эпиграмма

Сборники В. Иванова полны эпиграмм. Что подходит под их понятие? Стихи на случай? Краткость и конкретность? Навряд ли, хотя перечисленные выше качества, конечно же, существуют. Видимо, вся соль названия небольшого стихотворения обычно находится в афористично и изящно оформленных сатирических пуантах.

Бесспорно, не лишен талантов,
Но крут с людьми, как управдом.
Всем говорит, что любит аспирантов,
Но в это верится с трудом.
(Резнику Ю.М.)

Читатель "Эпиграмм", конечно же, простит Иванову хотя и редкую, но все же резкость, примет иронию и сатиру, поскольку всей кожей понимает, что его не унижают, не ставят на колени, не смеются над его недостатками, а любят и желают добра, согревают теплом души.

Несколько иное отношение автора к отечественным политикам, особенно к так называемым молодым реформаторам. Для него все они циничные и малообразованные люди, разорившие богатую страну ради химер, и, в конечном счете, как выяснилось позже, преследовавшие свои, чисто эгоистические интересы.

Под эпиграммный каток Иванова попали многие из них. Зачастую его пуанты оказались точными и достаточно хлесткими.

Для мира он непостижим,
Для россиян - капризен и невнятен,
И созданный при нем режим
Имеет слишком много пятен.
(О Б.Н. Ельцине)
За ним внимательно следя с недавних пор,
Я понял, в чем его основа:
Чем больше смотришь на него в упор,
Тем больше видишь Хлестакова.
(О Б.Е. Немцове)

К женщине-политику авторского сострадания достается значительно больше. Так, Хакамада, экзотичный представитель союза правых сил (Хака говорит одно, а Мада корректирует и добавляет. Иногда они меняются местами), заслужила следующее четверостишие.

У нас сейчас политиков армада,
Которых знает и не любит вся страна.
И славно, что хотя бы Хакамада
Пока еще по-прежнему одна.
(О И. Хакамаде)

Друзей-политиков он, кажется, щадит. Так, об известном и, вероятно, успешном защитнике интересов дагестанских народов, человеке, проживающем постоянно в Москве, Р.Г. Абдулатипове (в народе его иногда называют Абдулла Типов) он пишет:

Красив, высок, умен и статен -
У всех и на виду и на слуху.
Теперь уверенно сказать могу:
Он в Дагестане был бы очень кстати.

Словом, читатель упомянутых выше эпиграмм В. Иванова оказывается вовлеченным в острые, но не всегда явные, споры по поводу таких понятий как демократия, "добро и зло". Мы при этом убеждаемся в том, что русский интеллигент во все времена с большим и вполне заслуженным недоверием относимся к, казалось бы, столь непререкаемым ценностям как политика, власть, народный избранник и т.д. Мы заметим также и историческое сходство не только в выборе объекта критики со стороны интеллектуалов, но и самого хода мысли, даже образной системы (гипербол, метафор). И последнее наблюдение, с которым хочу поделиться, - когда все слишком и нелепо серьезно - в жизни общества неизбежно воцаряется догматизм. Хотим ли мы его снова?